

НАПОЛЕОН — ВРАГ
Образ Наполеона
в русской публицистике, поэзии
и высказываниях современников
в период войн 1805—1807 гг.,
Отечественной войны 1812 г.
и заграничных походов
русской армии

Негативный образ Наполеона стал складываться в России при активном участии властей уже в 1804–1805 годах во время подготовки войны Третьей коалиции. Под запретом оказалась вся литература, где можно было найти положительные высказывания о Наполеоне и его империи. Но особенно правительство взялось за антинаполеоновскую пропаганду в 1806 году в ходе новой коалиционной войны. Среди самых радикальных мероприятий было предание Наполеона анафеме русской православной церковью. В тексте от декабря 1806 года, как видно, не слишком заботясь о логичности построения, говорилось: «Еще во времена... Богопротивной революции, он [Наполеон]... в сонме нечестивых сообщников своих воздавал поклонение... истуканам, человеческим тварям и блудницам... В Египте... проповедовал Алкоран Магометов, объявил себя защитником исповедания неверных последователей сего лжепророка мусульман... созвал во Франции иудейские синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий санедрин еврейский... и теперь помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устроить их на ниспровержение Церкви Христовой...»

Одновременно Россию наводнили английские памфлеты, где Наполеон и его империя представляли в самых черных красках. Если анафема была рассчитана на народ, памфлеты должны были оказать действие на дворянство. Некоторые памфлеты были сочинены и русскими авторами. Так брошюра «Рассмотрение политических происшествий нынешнего времени русским патриотом к его соотечественникам» (СПб., 1806) была написана впоследствии весьма известным журналистом Н. И. Гречем совместно с рижским немцем на русской службе Шредером. Интересно, что Греч будет совершенно радикально менять свои взгляды на Наполеона в соответствии с требованиями властей и буквально два года спустя восторженно напишет о Наполеоне на страницах журнала «Гений времени».

Памфлеты «О предустановленном погребении Наполеона Бонапарта и новом капитуле Св. Дионисия» (СПб., 1807), в котором утверждается, что Наполеон пожелал быть погребенным вместе с останками французских королей, и «Бонапарте

и французы в Австрии» (СПб., 1807), где рассказывается о бесчинствах наполеоновских войск на территории Германии, принадлежат неуставленным лицам, причем второй из них написан, скорее всего, австрийцем. Отрывки из этих брошюр приведены в антологии.

Подобная тенденциозная литература не могла не оказать своего воздействия на общество. Как под влиянием этой пропаганды, так и вследствие совершенно естественных эмоций, родившихся в ходе военного противостояния, в России наряду с положительным образом императора французов складывается и резко отрицательный, который становится особо популярным среди высшего дворянства.

Несмотря на заключенный мир и изменение официального курса на 180 градусов, этот образ находит все более и более своих приверженцев. Среди наиболее видных «наполеонофобов» была и мать Александра I, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Перед предполагаемой встречей своего сына с Наполеоном в Эрфурте, Мария Федоровна написала Александру письмо, где очень хорошо представлен взгляд на Наполеона со стороны консервативной части русской аристократии. Но более, чем это письмо, интересен и ответ Александра. Как это ни удивительно, но царь, бросивший всю свою энергию на организацию войн 1805–1807 годов, не согласен с узколобой позицией своей матери. Да, он ненавидит того, с кем вынужден вести переговоры, да, он готов направить все силы своего государства на свержение императора французов, но он не может отрицать ни таланты Наполеона, ни величие его империи.

Интересно, что, собираясь воевать со своим союзником, Александр в 1808–1811 году не поддерживал антифранцузские публикации. Частично это объясняется тем, что готовя с 1810 года вторжение в герцогство Варшавское и предполагая затем организовать выступление Пруссии, а также, возможно, всей Германии с целью свержения Наполеона, царь хотел сохранить свои планы в тайне. Россия и Франция вплоть до самой войны 1812 года находились в формальном союзе и, как писал Александр о подготовке борьбы с Наполеоном в письме своей матери: «...мы должны работать над этим, среди глубочайшей тишины, а не разглашать на площадях о наших вооружениях, наших приготовлениях, и не гремев публично против того, к кому мы питаем недоверие». С другой стороны, нельзя не отметить, что размах и методы современных информационных войн были чужды духу той эпохи. В результате, несмотря на то, что обе державы готовились к столкновению, официальная пресса как русская, так и французская продолжали сохранять корректный тон по отношению к вероятному противнику.

Готовя изначально наступательную войну, царь вынужден был видоизменить свои проекты ввиду того, что польская знать отказалась содействовать его планам. Позже отвернулась от русского альянса и Пруссия. В этой обстановке Александр постепенно переходит к стратегии оборонительных действий, тем более, что император французов, начиная с лета 1811 года, также предпринял масштабные военные приготовления. Впрочем, вплоть до самого июня 1812 года в русском штабе то и дело собирались первыми перейти Неман. Подобная ситуация, когда не исключали возможность нанести внезапный удар, также наложила отпечаток на полное отсутствие предвоенной антифранцузской пропаганды.

Огромные силы, которые сосредоточил Наполеон к концу весны на рубеже Вислы, окончательно утвердили царя в решении вести вначале оборонительную войну, и лишь измотав врага, перейти в наступление с целью его полного разгрома. Александр понял также, что для мобилизации общественного мнения ему будет выгодно выставить себя перед Россией и Европой в качестве жертвы агрессии.

В случае наступательной войны первые же поражения вызвали бы в России взрыв возмущения. Ведь царь уже два раза начинал войну с Наполеоном и оба раза терпел сокрушительное поражение. В случае оборонительного характера первых боевых действий можно было заручиться куда более серьезной поддержкой общественного мнения, которое легче могло бы простить отдельные неудачи. Бескрайние просторы Российской империи становились в таком случае не препятствием (для мобилизации сил), а благоприятным фактором, вследствие возможности поглотить с помощью пространства усилия неприятеля.

Так шведский эмигрант на русской службе Армфельт, точно отражая новую стратегию царя, написал в это время, что он очень надеется, что Наполеон «попадет в западню», иначе говоря, начнет войну первым.

Так оно и случилось. 24 (12) июня 1812 года первые дивизии Великой Армии форсировали Неман, началась великая война...

Мобилизация общественного мнения началась с первых же дней войны и приняла огромный размах, когда наполеоновские войска вступили на территорию старых русских земель, иначе говоря, перешли бывшую границу 1772 года и оказались на территории Смоленской губернии. Необходимо отметить, что присоединенные не так давно, в 1772, 1793 и 1795 годах, земли бывшей Речи Посполитой большинство русских солдат и простолюдинов считали чужими, а население этих территорий в большинстве своем не горело желанием сражаться за царя. Поэтому действительно осознание значимости войны и ее народный характер появились только тогда, когда неприятель перешел границу искони русских земель.

Отныне война стала для русских людей Отечественной. Ясно, что ее причины и предыстория теперь мало кого волновали. Враг шел по родной земле, и все честные люди вставали на борьбу с ним. В этой ситуации появляется спонтанно и с помощью правительственной поддержки огромное количество патриотических публикаций резко антинаполеоновской направленности.

Особое место среди патриотических журналов этой эпохи занимают «Русский вестник» С. Н. Глинки и «Сын Отечества» Н. И. Греча. Первый из этих журналов появился еще в 1808 году. В нем печатались статьи, где обличалась французо-мания дворянства и проповедовались патриархальные устои. Однако личности Наполеона журнал почти не затрагивал по цензурным соображениям. Теперь Сергей Глинка мог дать волю своему патриотическому гневу и красноречию. Наполеон называется отныне не иначе, как «исчадие греха... раб ложной адской славы... сосуд всех зол лукавый... изверг естества... лютый сын геенны». Наряду с яростными филиппиками в адрес императора французов, автор не забывал и о его армии: «Нельзя было удержаться от смеха, смотря на сих вооруженных гаеров¹: что за пестрота! Мундиры их арлекинские все в заплатках, на людях

¹ Гаер — площадной шут, паяц.

малорослых, совершенно похожих на разноцветных кукол. У большей части на ногах онучи, у других одна нога в башмаке, другая в сапоге, третий совсем босиком». Кроме осмеяния французов автор обличает их грабежи и бесчинства, вкладывая в уста наполеоновских солдат такую речь: «Мы хотим разграбить, разорить Россию; мы сроем ваши церкви; поберем золотые и серебряные оклады с образов ваших; уведем в плен ваших дочерей и всех людей, годных к оружию».

Столь же пылким обличителем «лютото сына геенны» и его войска выступил и Н. И. Греч, который получил правительственный заказ и средства, на которые он смог издавать журнал. Тот же литератор, который редактировал журнал «Гений времен», в котором еще совсем недавно можно было прочитать о «благоразумии великого мужа», теперь писал о Наполеоне, представленном отныне в сатанинском облике: «Кровожадный, ненасытный опустошитель, разоривший Европу от одного конца до другого, не перестаешь ослеплять всех своим кощунством и лжами, стараясь соделать малодушных и подлых сообщников своих еще малодушнее и подлее... Ты восседаешь на престоле своем, посреди блеска и пламени, как Сатана в средоточии ада, препоясан смертию, яростию и пламенем». Что касается французской армии, автор «Сына отечества» описывает ее примерно так же, как и С. Н. Глинка, не забывая заодно вернуть несколько верноподданнических ноток: «Полчища его [Наполеона] протекают наши области подобно стаду гладных насекомых и своими злодействами оскверняют русскую землю, освященную памятниками неослабного мужества, любви к отечеству и преданности Царям и повелителям».

Одновременно с периодической печатью остро антинаполеоновской и антифранцузской направленности в это время появляется огромное количество памфлетов. На этот раз это в основном произведения русских авторов. «Дух Наполеона Бонапарте или истинное и беспристрастное изображение его свойств», «Мысли Наполеона при вступлении в Москву или разговор совести с различными его страстями», «Наполеон Бонапарте, мнимый завоеватель света». По сравнению с этими полными ядовитой ненависти чудовищными измышлениями и просто площадной брани опусами, памфлеты 1806–1807 годов могут показаться чуть ли не научными исследованиями. Теперь авторы даже не желали казаться нейтральными, они желали превратить Наполеона в кровожадного, безумного монстра, получавшего наслаждения от убийств, пыток и всевозможных извращений; жалкого труса и бездарность, правившего исключительно благодаря коварству и дьявольскому наваждению. Его мать и сестры вышли из публичного дома, сам он «первое смертоубийство совершил на шестнадцатом году, отравив ядом в городе Бриенне одну молодую девицу им обольщенную». Он «иноземец, сын нищеты... не имеющий никакой веры, гнуснейший лицемер, каковые когда-либо существовали на свете, предприимчивый надменный и дерзкий властолюбец, муж честолюбивый, неблагодарный, развратный, мстительный...».

Эти памфлеты, как и журналы С. Н. Глинка и Н. И. Греча представляют интерес с точки зрения развития российской журналистики, политической публицистики, творчества ряда авторов того времени... но только не с точки зрения истории Наполеона, к которой они не имеют никакого отношения. Именно поэтому мы привели на страницах нашей антологии лишь отрывки

из одного из самых известных памфлетов «Дух Наполеона Бонапарте или истинное и беспристрастное изображение его свойств». Остальные отличаются только особенностями стиля и подбором бранных выражений.

Более серьезной с точки зрения истории является литература, которая вышла из-под пера офицеров, участников войны, писавших либо непосредственно в период боевых действий Отечественной войны, либо сразу после конфликта. Среди этих произведений прежде всего сочинения Ф. Н. Глинки: «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян против французов в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год». Это произведение, как и другие работы Ф. Н. Глинки, полно страстной антинаполеоновской риторикой. Вот что автор пишет о штурме Смоленска: «Французы, или лучше сказать поляки, в бешеном исступлении лезли на стены, ломились в ворота, бросались на валы и в бесчисленных рядах теснились около города по ту сторону Днепра. Наконец, утомленный противодействием наших, Наполеон приказал жечь город, которого никак ни мог взять грудью. — Злодеи тотчас исполнили приказ изверга...». Тем не менее, автор был свидетелем событий и кроме пафоса в его записках можно найти и ряд интересных наблюдений, касающихся боевого духа русских воинов, и ряд боевых эпизодов.

Ф. Н. Глинка прожил на редкость долгую жизнь. Он родился в 1786 году, в эпоху Екатерины, а умер в 1880 году, когда вдали уже блистали зарницы первой русской революции. Автор пережил и эпоху романтизма и нигилизма, но во многом остался верен чувствам, которые испытал в молодости. С этой точки зрения все творчество Ф. Н. Глинки словно принадлежит к одной эпохе — Отечественной войны 1812 года.

Близок по своей оценке Наполеона и другой известный русский писатель И. И. Лажечников, автор знаменитого «Ледяного дома». Подобно Ф. Н. Глинке, молодым офицером он принял участие в Отечественной войне и почти сразу по ее окончанию написал «Походные записки русского офицера», где враг изображен так, как и подобает в произведениях, написанных с целью пропаганды в период войны: «Наполеон с адскою усмешкою считал раны, покрывавшие тело России, и наблюдал место, где бы еще вернее поразить ее. Желая истлеть нравы русского народа, он учредил на развалинах Смоленска верховный суд...» Лажечников, так же, как и Глинка, был весь наполнен пафосом борьбы и свою позицию никак не изменил впоследствии.

Очень похож на двух предыдущих еще один писатель и молодой офицер Отечественной войны — М. Н. Загоскин. В августе 1812 года, он в возрасте 23 лет записался в Петербургское ополчение и ушел сражаться с врагом. Загоскин не писал военной публицистики, не оставил после себя мемуаров, зато в 1829 году написал роман «Рославлев», который в течение долгого времени был наиболее популярным в России художественным произведением о войне 1812 года. В эпоху написания романа российская литература была пронизана веяниями романтизма, переживавшего эпоху подъема. Действительно, романтические мотивы пронизывают роман, однако когда дело доходит до Наполеона, автор остается все тем же офицером, который ушел сражаться с захватчиком: «Я не могу не удивляться этому человеку. — С язвительной иронией говорит Загоскин устами одного из своих персонажей. — Какая неколебимая твердость!

Какое презрение ко всему роду человеческому! Как ничтожна в глазах его жизнь целых поколений!...»

Наряду с прессой, публицистикой, мемуарами, художественной литературой эпоха войны 1812 года породила подъем патриотической поэзии, ярким примером которой является знаменитое стихотворение В. А. Жуковского «Певец в стане русских воинов», написанное в лагере под Тарутиным. Образ Наполеона естественно стоит здесь не на втором, а на десятом месте. К нему кратко и ясно обращается автор: «Отведай хищник, что сильнее: дух алчности иль мщенье? Пришелец, мы в родине своей; за правых провиденье!». В остальном речь идет о мужестве и отваге русских воинов, о красоте подвига, о любви, о молодом порыве автора и его слушателей офицеров русской армии, готовящихся к бою...

Куда более подробно «раскрыт» образ Наполеона в велеречивой поэме Г. Р. Державина «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества». Она словно сошла со страниц самых желчных памфлетов эпохи войны и по сути дела таковым и является:

...уже перун
Предвечного висит закона
Поверх главы Наполеона:
Еще немного — он падет,
И сонм тех царств, что с ним идет,
Вдруг на него весь обратится;
Содом, Гомор с ним вспелится.

О, так! таинственных числ зверь,
В плоти седьмглавый Люцифер,
О десяти рогах венчанный,
Дни кончит смрадные.
Сей мнимый гений, царь царей,
Падет злый вождь вождей.

В народных, солдатских и казачьих песнях Наполеон упоминается лишь мимоходом. В них больше идет речь о его войсках, которые характеризуются без особых хитростей как «неприятель вор-француз». Сам же «Бонапартий» описан едва одним-двумя мазками, порой не без юмора. Кстати и сам Александр зачастую выглядит в народных песнях не особо героически:

Французский король царю Белому отсылается:
«Припаси-ка ты мне квартир-квартир, ровно сорок тысяч,
Самому мне, королю, белые палатушки».
На это наш православный царь призадумался,
Его царская персонушка переменялась.

Зато в псевдонародных, ура-патриотических афишках московского губернатора Ростопчина Наполеону посвящено немало строк. По сути своей это нечто близкое к памфлетам, изложенным вульгарным языком, пытаю-

щимся подражать народной речи. Особенно потешается генерал-губернатор над наполеоновской армией в стиле, который надолго вошел в историю как образец квасного патриотизма: «...солдаты-то твои карлики да щегольки; ни тулупа, ни рукавиц, ни малахая, ни онуч не наденут. Ну, где им русское житье-бытье вынести? От капусты раздует, от каши перелопаются, от щей задохнутся... мы своим судом с злодеем разберемся! ...Хорошо с топором, недурно с рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: француз не тяжеле снопа ржаного».

Афишки отличаются от народной поэзии не только ухарским патриотизмом, но и верноподданническим обожанием властей: «Почитайте начальников и помещиков; они ваши защитники, помощники, готовы вас одеть, обуть, кормить и поить...»

Впрочем, антинаполеоновская литература, порожденная войной, состояла не только из подобных низкопробных произведений. Поистине шедеврами литературы явились басни И. А. Крылова, где император французов был представлен в остросатирической форме.

Однако образ Наполеона, лютого зверя, «седьмглавого Люцифера» лишь недолго пережил войну. Уже в воспоминаниях участника Отечественной войны известного поэта и партизана Дениса Давыдова оценка постепенно меняется. Наполеон остается врагом, но врагом, достойным уважения. Что же касается неприятельских солдат, Давыдов не понимает, как подобно Фигнеру можно было хладнокровно убивать пленных, возмущаясь до глубины души подобными поступками. Наконец восторженное описание мужественного отступления Старой гвардии Наполеона под Красным открывает собой уже совершенно новую эпоху в русской историографии, мемуаристике, литературе и поэзии.